

Известия Алтайского государственного университета. 2024. № 5 (139). С. 41–47.

Izvestiya of Altai State University. 2024. No 5 (139). P. 41–47.

Научная статья

УДК 94(47)“1920-1930”:323.21

ББК 63.3(2)72

DOI: 10.14258/izvasu(2024)5-05

**Листовки, воззвания и прокламации в деревне
в конце 1920-х — начале 1930-х гг. (на примере Казахской
советской автономии)**

Асель Омаркановна Омарканова¹, Альбина Советовна Жанбосинова²

¹Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия,
asel_omarkanova@mail.ru

²Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана,
Kazakhstan, sovetuk@rambler.ru

Original article

**Leaflets, Appeals and Proclamations in the Villages
in the Late 1920s — Early 1930s (Based on the Example
of the Kazakh Soviet Autonomy)**

Assel O. Omarkanova¹, Albina S. Zhanbossinova²

¹Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, asel_omarkanova@mail.ru

²L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan,
sovetuk@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию противостояния крестьянской деревни официальной идеологии власти. «Анτισоветская» деревенская пропаганда получила отражение в виде листовок, анонимных посланий, воззваний и прокламаций. Актуальность предложенной темы заключается в авторском анализе содержания выявленных документальных источников, впервые вводимых в научный оборот. Цель предложенной исследовательской проблемы заключается в изучении протестных настроений в фокусе «культуры сопротивления». В результате изучения архивных материалов введены статистические данные и дана динамика роста числа распространяемых листовок, анонимных воззваний. Контент-анализ их содержания демонстрирует превалирование блока экономических целей, разрешение вопросов, связанных с нарушением их традиционного экономического уклада. Крестьянская «антисоветская пропаганда» не имела идеологической подоплеки, анонимные угрозы были направлены в первую очередь на защиту личных интересов, в том числе личного экономического пространства. В статье затронуты вопросы техники изготовления и распространения листовок.

Ключевые слова: антисоветская пропаганда, деревня, листовки, воззвания, крестьянские протесты, восстания, ОГПУ, политические обзоры

Abstract. The article is devoted to the study of the opposition of the peasant village to the official ideology of power. “Anti-Soviet” rural propaganda was reflected in the form of leaflets, anonymous messages, appeals and proclamations. The relevance of the proposed topic lies in the author's analysis of the content of the identified documentary sources, first introduced into scientific circulation. The purpose of the proposed research problem is to study protest sentiments in the focus of the “culture of resistance”. As a result of studying archival materials, statistical data and dynamics of the growth in the number of distributed leaflets, anonymous appeals, etc. were obtained. The content of the analysis of their content consists of the prevalence of a block of economic goals, solutions to issues, restrictions in violation of their traditional economic structure. Peasant “Anti-Soviet propaganda” had no ideological background; anonymous threats were aimed primarily at protecting personal interests, including the protection of personal economic space. The article discusses the issues of manufacturing equipment and distributing leaflets.

Keywords: Anti-Soviet propaganda, village, leaflets, appeals, peasant protests, uprisings, USPA (Union State Political Administration), political reviews

Для цитирования: Омарканова А.О., Жанбосинова А.С. Листовки, воззвания и прокламации в деревне в конце 1920-х — начале 1930-х гг. (на примере Казахской советской автономии) // Известия Алтайского государственного университета. 2024. №5 (139). С. 41–47. DOI: 10.14258/izvasu(2024)5-05.

Финансирование: Исследование выполнено по проекту «Тюркский мир "Большого Алтая": единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 850000Ф.99.1. БН66АА04000).

Введение

На протяжении конца XX и начала XXI в. вопросы социально-экономических преобразований советской деревни конца 1920-х и начала 1930-х гг. оказались в эпицентре исследовательского анализа ученых постсоветского пространства. Архивно-тематические документы, раскрывающие проблемные узлы насильственной модернизации, такие как коллективизация, заготовительные кампании и прочие, стали доступны корпусу профессиональных ученых.

Объектом исследования является идеология насильственной модернизации экономического уклада русской деревни в Казахской автономии, предметом исследования — деревенский формат «культуры сопротивления» [1, с. 13], а именно лозунги, прокламации и анонимные письма как творчество, отражающее характер протестных настроений. Любая модернизация предполагает качественное изменение социального, экономического содержания сферы повседневного существования. Глубинные процессы изменения традиционной модели хозяйства оказывают влияние на социум и среду обитания, на адаптивные практики и трансляцию настроений. Исследовательский фокус авторов направлен на анализ трансляции сопротивления деревни «консервативной модернизации» вкупе с «тоталитарной идеологией» [2]. В содержании указанного процесса мы наблюдаем ломку традиционных социальных конструктов с формированием на ее основе инструментария «печатной» продукции, можем их отнести к фрагментам устной истории крестьянского сопротивления конца 1920-х — начала 1930-х гг.

Исследование охватывает северо-восточные территории Казахстана, состоявшие из Акмолинского, Кустанайского и Семипалатинского округов, где согласно переписи 1926 г. на севере проживало 25,1% и на востоке 20,2% населения. Русский этнос в указанных округах на севере составлял 37,2%, на востоке — 31,2% [3, с. 17–18]. Вопрос демографического превалирования русского этноса обусловил территориальный выбор нашего исследования.

Обзор историографии

За период «архивной революции» конца XX в., благодаря направлению «предоставить слово документу», совершен документальный прорыв и опу-

For citation: Omarkanova A.O., Zhanbossinova A.S. Leaflets, Appeals and Proclamations in the Villages in the Late 1920s – Early 1930s (Based on the Example of the Kazakh Soviet Autonomy). *Izvestiya of Altai State University*. 2024. №5 (139). P. 41–47. (In Russ.). DOI: 10.14258/izvasu(2024)5-05.

Funding: The research was carried out under the project “Turkic World of the Great Altai: Unity and Diversity in History and Modernity” (project No. 850000F.99.1. BN66AA04000).

бликован значительный объем серийных сборников материалов с уникальным содержанием, отложившихся в фондах российских архивов [4–6]. Редчайшие источники из малодоступных партийно-государственных и ведомственных фондов раскрыли алгоритм «консервативной модернизации» и ее последствия. Содержание многочисленных источников данных сборников, их территориальная дисперсность свидетельствуют о едином универсальном алгоритме реализации политики насильственной коллективизации.

Особое внимание авторами уделено сборникам, включившим фрагменты устной истории из донесений информационного отдела ОГПУ СССР по разделу «Политсостояние края», «Приложения». Несомненно, в тематическом плане ключевая информация представлена в опубликованных докладах «Лубянка — Сталину». Их содержание раскрывает деревенский протест в листовках по территории СССР, в том числе и в Казахстане.

Прямо или косвенно предложенная тема затронута в трудах отдельных исследователей. В частности, специалист по «крестьянскому бунту» Линн Виола полагает, что все анонимки, листовки представляли собой крестьянский инструментарий запугивания с целью защиты личного пространства [1]. Ш. Фицпатрик затронула в большей степени анонимные «доносы» на сограждан, поскольку доносительство приветствовалось властью, а автор доноса расчищал путь и избавлялся от конкурента [7, с. 290].

О крестьянской интерпретации экономических преобразований и их последствий в деревне писал С. Красильников [8]. Полагаем, что сочетание осознанности с подпиткой слухами, описанное в трудах указанного автора, порождало интересные виды «антисоветского творчества», начиная с обычных писем, листовок, воззваний, завершая частушками.

Отметим, что исследуемая тема не получила должного освещения в казахстанской историографии, кроме одной работы, демонстрирующей «дихотомию содержания и формы слухов периода коллективизации применительно к казахскому аулу» [9].

Объем статьи не позволил дать полную оценку историографии проблемы, нами проанализированы труды, прямо или косвенно затрагивающие проблемные вопросы нашего исследования.

Источники

Статья написана на основе впервые вводимых в научный оборот документов информационного отдела ОГПУ по СССР и КАССР, а также архивно-следственных материалов участников повстанческого движения под руководством Ф. Толстоухова.

Нами использованы материалы информационного отдела ОГПУ из 12 документов, выявленных в ведомственных архивах: листовки, воззвания, анонимные письма, выражавшие публичный протест деревни насилию, совершаемой властью, а в период повстанческого движения призывавшие к вооруженному сопротивлению.

Указанные документальные источники отложились в фондах Специального государственного архива Комитета Национальной безопасности Республики Казахстан (далее СГА КНБ РК) и Департамента полиции Восточно-Казахстанской области (далее СГА ДП ВКО).

Информационный отдел ОГПУ готовил специальные типовые политические обзоры по материалам, собранными сотрудниками ОГПУ, а также тематические документы. Подобные подборки собраны в вышеуказанных опубликованных сборниках. В числе используемых нами документов «Докладная записка распространения антисоветских листовок, воззваний и прокламаций» за 1928–1929 гг. Количество экземпляров нумеровалось с грифом «Сов. секретно», рассылалось по списку адресатам, с указанием в нижнем левом углу исходящего номера и даты рассылки.

Отдельным форматом шли «Политические обзоры», их структура была также однотипной. Они содержали информацию по каждому региону СССР с приложениями, именно в разделе «Приложения» располагались машинописные тексты различного формата, в том числе и по исследуемой нами проблеме. Документы интересны оценкой политического состояния территории, информативностью и детализацией данных, содержанием прилагаемых машинописных источников, обнаруженных ОГПУ по месту дислокации.

Листовки: распространение и содержание

Вкупе с усилением политики хлебозаготовок, введением единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН), продовольственными затруднениями увеличивалось количество обнаруживаемых анонимных посланий, распространение листовок, прокламаций и устной агитации. Анализ сводок ОГПУ свидетельствует, что указанный вид протестных настроений в формате посланий подвергался жесткому прессингу и находился под постоянным контролем. За каждым подобным «антисоветским творением» сотрудники ОГПУ видели след «кулацкой агитации». Под бдительным оком ОГПУ находились русские станицы с ее кулацкими

верхушками, атаманство и прочий «бывший контингент». Согласно сведениям ОГПУ, русское казачество составляло 75000 человек, проживавших в 56 станицах. Последние преобладали в Петропавловском, Кокчетавском уездах и Чарлакском районе, всего же русское население насчитывало 625795 человек, что составляло 46,7% [10, л. 3].

Динамика роста антисоветских листовок, различного рода воззваний и прокламаций в деревне была обусловлена активными социально-экономическими мероприятиями советской власти. Довольно интересно выглядит статистика изменений содержания распространяемых в СССР листовок с 1 июля 1927 г.^{*} по 1 сентября 1928 г. — ОГПУ СССР всего было обнаружено 586 листовок, за первое полугодие 1929 г. — 520 листовок, максимальный их рост приходится на февраль-март 1928 г. — 101, 102 и январь, март 1929 г. — 117, 113 соответственно; минимум приходится на третий квартал 1927 г. — 29, август 1928 г. — 27, на май 1929 г. — 52, февраль — 59 [5, с. 922–923].

Относительно содержания листовок отметим, что в течение указанного периода повстанческие призывы с ярко выраженной пораженческой идеологией имели стабильные показатели (всего 130 листовок, или 45%) [11, л. 5]. Основу появления подобных листовок составляли периоды обострения международной обстановки и положения СССР. Содержание таких листовок приветствовало разрыв «англо-советских отношений», передавало «пламенный привет вождям оппозиционного блока» [11, л. 7].

Для 1929 г. характерно значительное число анонимок с угрозами — 148, протестов против проводимых кампаний — 134 [5, с. 923]. Содержание листовок отражало протестное настроение деревни, напрямую связанное с политической обстановкой, например, празднование десятилетия установления советской власти, различного рода силовые заготовительные кампании. Увеличение листовок, содержащих призыв к восстанию, наблюдается в момент проведения хлебозаготовительных мероприятий и наибольшего обострения продовольственных затруднений.

Листовки, направленные против хлебозаготовок, самообложения и крестьянского займа, призывали к сопротивлению властям. Можно выделить две группы вышеуказанных направлений. Первая группа листовок призывала к следующим видам сопротивлений: задерживать хлеб, не покупать облигации крестьянского займа, не принимать самообложения. Вторая группа содержала призывы к восстанию против советской власти, «грабящей крестьян».

Призывы не сдавать хлеб объяснялись тем, что советской власти «осталось недолго жить», так как Троцкий в ближайшем будущем спасет всех крестьян от большевиков. Листовки в Семипалатинском округе призывали

^{*} С этой даты в ОГПУ был введен точный месячный учет распространения антисоветских листовок.

не поддерживать всемирную революцию сдачей хлеба и покупкой облигаций [12, л. 101].

Призывы к восстанию в листовках сопровождались провокационными заявлениями: «кругом идут восстания, а мы спим», информированием начала даты восстания с указанием места сбора участников.

В листовках отражались не только обычные антисоветские выпады, но и политические, а также экономические чаяния деревенских жителей. В период повстанческого движения содержание листовок имело политизированный характер с более структурно выраженными политическими идеями.

В территорию распространения листовок входили в числе упоминаемых в сводках ОГПУ СССР смежные приграничные области Казахстана и Сибири, однако особое внимание было уделено трем округам — Акмолинскому, Кустанайскому и Семипалатинскому. Появление листовок в указанных округах увязывалось с наличием кулацких антисоветских группировок и усилением антисоветских настроений.

Техника распространения листовок заключалась в изготовлении нескольких экземпляров, которые вывешивались в людных местах, например в Акмолинском округе они были наклеены на доски и разбросаны около церкви, приклеены к телеграфным столбам, располагались на домах сельских должностных лиц [13, л. 5.]. Листовки и анонимки, содержащие угрозу тем или иным общественным работникам села и партийцам, обычно подбрасывали в дома, квартиры или посылали по почте.

Широко практиковалось распространение листовок в общественных местах, на видном месте в избах-читальнях, среди газет, в книге вопросов и ответов, в домах крестьянина, в помещениях сельсоветов. Некоторые листовки просто разбрасывали. Этот способ был самым повсеместно распространенным [11, л. 17].

Вполне естественно, что тираж листовочных изданий был невелик, 5–10 экземпляров. Листовки и воззвания деревенского происхождения в подавляющем большинстве случаев выпускались в одном-двух экземплярах, техника их изготовления несложна. Листовки представляли собой один листок бумаги, с написанным от руки карандашом, в лучшем случае и редко чернилами. Порой авторы листовок и прокламаций проявляли творчество, украшали тексты примитивной карикатурой или несложной эмблемой. Некоторые из обнаруженных ОГПУ листовок были нарисованы красками, тушью. Листочки в 5–10 экземпляров писались от руки и размножались под копирку или простой перепиской от руки. В целях конспирации листовки писались во многих случаях печатными буквами от руки, иногда славянским шрифтом, намеренно с нелепыми орфографическими ошибками. Листовок, выпущенных с помощью пишущей машинки, гектографа, шапирографа и иных технических аксессуаров того времени, в деревнях не находили.

Что касается, анонимных посланий, то в них нередко содержалась ненормативная лексика с угрозами в адрес конкретных лиц [14, л. 60]. Анонимки с угрозами для большего эффекта содержали рисунки с гробами, ножи и прочую устрашающую атрибутику. В ОГПУ выделяли анонимки террористического характера, где шла прямая угроза убийства, их стиль в отчетной ведомственной документации указывался как «однообразный».

Публикации распространяемого антисоветского жанра нарочно подписывались фамилиями каких-либо сельских общественных деятелей либо тематическими псевдонимами исходя из содержания, например, антиналоговая листовка содержала подписи «овца», «ободранный вами догола крестьянин». Листовки, призывавшие к расправе, подписывались кратко и емко «Смерть» [15, л. 168].

Формы антисоветских листовок

Антисоветские листовки, воззвания, плакаты, карикатуры и подобный деревенский самиздат отличались большим разнообразием. В общей массе выявленных и найденных материалов можно было встретить листовки с жаргонной и ненормативной лексикой, а также с очень хорошей литературной обработкой, рассчитанной на крестьянскую массу.

Формат лозунгов на территории Семипалатинского округа, где шла активная подготовка к вооруженным выступлениям, отличался лаконичностью (например, «Долой Советскую Власть!») и критикой новой власти в сравнении со старой. В одной из листовок, обнаруженной на улицах некоторых районных центров Бухтарминской территории (Зыряновск, Самарка и др.), задавался вопрос: «Товарищи! Разве мы этого завоевали, что по земле ходить и нужно платить? Так нас, товарищи, обманывали...». В завершении текста прочитавшего содержание призывали: «Товарищ! Подними и отдай дальше» [16, л. 56].

Подобный формат, судя по анализу выявленных нами материалов, встречался редко, в основном шли призывы к погрому и убийствам «проклятых коммунистов», «Бей грабителей — наш враг коммуна!», «Долой коммунистов!». Творческий энтузиазм авторов листовок проявлялся в переименовании советских лозунгов, как например: «Граждане...покупайте заём разорения крестьянского хозяйства» [17, л. 74].

Отметим активность представителей антисоветского народного творчества. Это антисоветские прокламации, обличенные в стихотворную форму с подражанием стихам Н. Некрасова, деревенский фольклор — присказки, прибаутки, частушки, особо использовались революционные песни, например, на мотив «Интернационала»: «Вставай, поганый и народный, Весь мир лентяев и плутов, Идите грабить мир народный, Берите дань с сирот и вдов...» [14, л. 18].

Повстанческая манифестация и лозунги

Политическая платформа повстанцев, их агитационно-пропагандистская деятельность, лозунги и фрагменты устной истории, сопровождающие вооруженные отряды, выявленные в различных фондах документальные источники позволили посмотреть и «услышать репортаж с места событий». Отметим, что повстанческая манифестация была направлена на защиту традиционности сельской общины, не против советской власти, а против «коммунистов» и «большевиков».

Программные документы повстанческого движения можно структурировать по форме пропаганды: устная и письменная; по виду: листовки, лозунги, воззвания, письма, обращения. Отдельным и достаточно интересным социальным феноменом советской истории являются слухи, рассматриваемые нами как фрагменты устной истории из документальных источников. Источниками появления слухов в Акмолинском и Кустанайском округах, по мнению Информационного отдела ОГПУ, являлась возросшая переписка жителей казачьих станиц с заграницей, с представителями русской эмиграции. В подтверждение данного довода в приводимой ими отчетности указано, что «в отношении всех объектов КРО (контрразведывательный отдел. — А.О., А.Ж.) поступило и было перлюстрировано заграничной корреспонденции до 150 документов...» [10, л. 14]. Интерес вызвал новый формат призыва, упоминаемый ОГПУ, «почтограмма» во взаимосвязи с харбинской группой белогвардейцев-казаков. Последние по случаю войскового праздника выпустили и разослали почтограммы с призывом к пробуждению русского казачества. Названные документы были зафиксированы в Акмолинском и Семипалатинском округах, спровоцировав активизацию слухов, распространение призывов к ожиданию падения советской власти [10, л. 15].

На основании введенных в научный оборот документов и их анализа можно говорить о наличии политико-идеологического постулата в программных положениях, обосновывавших восстание как необходимость защиты крестьянских интересов. Отметим основные повстанческие лозунги:

- «Граждане! К оружию, выхода нет. Тюрьма и рабство или восстание».
- «Долой коммунистов - душителей народа!».
- «Долой крепостное право и совхозную барщину!».
- «Да здравствует свободный народ! Да здравствует воля народа!» [18, л. 35].

Крестьянская манифестация демонстрирует и отражает неосознанную ментальность поведения, о чем писала Л. Виола, т.е. к пониманию традиционного мира сельских жителей, которые «формируют элементы сопротивления, как дискурс, стратегия поведения, действия, в свою очередь находящих выраже-

ние в слухах, фольклоре, культуре, символической инверсии, пассивном сопротивлении, насилии и бунте», именно «через эти аспекты сопротивления проявляются сознание крестьянства, его ценности и верования» [1, с. 6].

Политическая платформа повстанцев отражала общую идею — «мы за советы, но без коммунистов». Смысл этой идеи имел различную интерпретацию: мы готовы принять советскую власть, но «...без насилия, без издевательств» и даже готовы перейти к немедленному социалистическому строительству [19, л. 59]; мы признаем решение жизненно важного вопроса «Советская власть нам первая дала то, чего мы хотели», но вместе с тем «нас в корень разорила», мы все-таки «приветствуем власть», однако «дай нам жить» [20, л. 65].

Несмотря на пестроту лозунгов участников вооруженных выступлений, их содержание и характер позволили выделить три основных блока целей, которые ставили перед собой повстанцы — экономический, идеологический и политический. Участники подавляющего большинства вооруженных выступлений в исследуемых нами округах выдвигали в первую очередь лозунги экономического характера — отмена хлебозаготовок и скотозаготовок, отмена налогов и прекращение насильственной коллективизации. Лозунги первого блока отражали экономические проблемы, их преобладание свидетельствовало о тяжелом, если не катастрофическом социально-экономическом положении, в котором оказалось крестьянство.

На втором месте в общей массе выдвигаемых лозунгов стояли требования идеологического характера, обусловленные антирелигиозной политикой советской власти — «За свободу религии», «Советская власть притесняет религию, долой ее».

И лишь на третьем месте находились лозунги политического характера — «Долой советскую власть!». Лозунги «государственного» характера существовали повсеместно. Неудивительно, что в большинстве крестьянских восстаний на территории Советской России в качестве главного лозунга на тему власти выдвигался лозунг «За советы, но без коммунистов». Интересное решение было предложено по коммунистам в Толстоуховском восстании: «После свержения Советской власти до Урала, всех арестованных коммунистов, отвезти на границу Урала и отправить в центр СССР» [21, л. 214]. По задумке повстанцев, там, в центре СССР, пусть существует советская власть с коммунистами, а мы в Сибири (имелась в виду близость Семипалатинского округа к Алтайскому краю и Сибири) будем жить при автономной советской власти, но без коммунистов.

Л. Виола в анализе крестьянских протестов и более радикального их проявления — повстанческое движение, считала, что протесты не были направлены на свержение советской власти как таковой, они вы-

ступали против «внутренней колонизации», это был пик «акта отчаяния» [1, с. 6].

Количественный и качественный контент-анализ лозунгов дает возможность увидеть следующую картину.

1. Количественный контент-анализ 53 лозунгов и цитат показывает соотношение негативных и позитивных лозунгов 25:14 в пользу типа «*дойлой*» (советскую власть, коллективизацию, коммунистов и другие), лозунгом-антогонистом определен «*да здравствует*» (свободный труд, воля народа, свободная торговля). Количество промежуточных лозунгов и цитат — 14.

2. Контент-анализ по качеству может быть градирован по следующим позициям.

2.1. *Ожидания, видения*. Незначительная часть высказываний сопряжена с позитивными ожиданиями («Советская власть без насилия, без издевательств с немедленным переходом к социалистическому строительству», «Советская власть сулила свободу и равенство», «Граждане — или голод, тюрьма, совхозная барщина»).

2.2. Часть цитат *описывают реальность* больше в негативных оценках («сместить всю сволочь, которая руководила раньше и сейчас [...], т.е. за прошлую их роскошь, которые стараются разорить нашу страну», «Советская власть обманула, дала крепкие тисы», «Коммунисты украли у народа свободу. Коммунисты тоже обещали свободу, но вместо свободы дали расстрелы, тюрьмы и ссылки, а вместо равенства голод и нищету». «По всей стране голод, нищета и безработица и промышленный развал», «За трудодни хотят сделать из крестьянина крепостного, надеть на него хомут совхозной барщины», «Народ от края до края ненавидит своих душителей». «Спасая свои шкуры, коммунисты откупаются от Польши, Румынии и других врагов народными ценностями, сваливая за границу золото, пушнину, отстреливаются мешками с хлебом, обрекая Россию на голод и нищету», «Коммунисты бояться войны. Они бояться дать народу оружие. Они и дальше будут откупаться от своих врагов, если будет с кого содрать последний хлеб, последнюю корову».

Из числа цитат можно выделить *лозунги-предложения*, т.е. варианты на ответов на вопрос «Что делать?»:

«Сплощайся [Сплотимся] крестьяне воедино, дай [дадим] отпор варварству», «Здесь на Алтае леса и горы. Пока мы не перебросили восстание в Семипалатинск и Омск, мы сделаем с местными силами удержать с собой лесные и горные округа и не дать выкачать последний хлеб и скот», «Граждане, к оружию, выхода нет. Тюрьма и рабство или восстание».

Часть населения имеет установки *компромиссного характера*. Так, например, принятие власти («Приветствуем власть — дай нам жить»), с верой в нее («Да здравствует чистая Советская власть!», «Мы не против власти, а против насилия», «Мы не хотим задевать власть, но мы против пятилетки и дать свободу крестьянину...»).

Часть лозунгов имеет *угрозы*: «Вам пришел конец, будем с вами делать то же, что и вы со скотом», «...мы против большевиков будем долго продолжать борьбу, но все-таки Советскую власть свергнем».

Стоит отметить наличие *требований* «верните отобраный скот и хлеб», «вольная торговля, полная свобода, без коммунистов и их помощников — активистов».

Таким образом, представленные лозунги отличаются широкой палитрой политических и экономических установок. В целом социальный контекст выражен преобладанием негативного отношения к новым условиям, ожиданиями ухудшения всех сфер общественной жизни.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, можно полагать, что распространяемая печатная и рукописная агитпродукция, изготавливаемая кустарным способом, имела конкретную цель — настроить деревню на протест. Однако проведенный контент-анализ показывает, что какой-либо единой идеологии в основе крестьянских листовок, лозунгов и воззваний не было и быть не могло. Крестьянская деревня использовала определенный комплекс агитационных методов и приемов, рассчитанных на привлечение в число своих сторонников как можно больше населения, способного поддержать крестьянский протест. Вместе с тем техника подготовки листовок, воззваний и прокламаций не позволяла масштабно охватить территории и их население.

Библиографический список

1. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М. : РОССПЭН, 2010. 367 с.
2. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М. : ОГИ, 1998. 432 с.
3. Краснобаева Н.Л. Динамика численности и этнический состав населения Казахстана по данным Всесоюзной

переписи 1926 г // Известия Алтайского государственного университета. 2004. №4. С. 17–21.

4. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 : документы и материалы : в 5-ти т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М. : РОССПЭН, 1999–2006. 880 с.

5. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939 гг.: документы и материалы : в 4-х т. / под ред. А. Березовича, В. Данилова. М. : РОССПЭН, 2003. 1864 с.
6. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : в 10-ти т. / ИРИ РАН; Центр. архив ФСБ РФ; ред. совет: Г. Севостьянов, А. Сахаров, Я. Погоний [и др.]. М. : ИРИ РАН, 2001–2008. 1712 с.
7. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М. : РОССПЭН, 2001. 422 с.
8. Красильников С.А. Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М. : РОССПЭН, 2003. 285 с.
9. Аблажей Н.Н., Жанбосинова А.С., Сайлаубай Е.Е. Слухи и разговоры в казахском ауле накануне голода (1927–1931 годы) // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 7. С. 180–202.
10. Специальный Государственный архив Комитета Национальной Безопасности Республики Казахстан (СГА КНБ РК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 450.
11. СГА КНБ РК. Ф. 1К. Оп. 1. Д. 181.
12. СГА КНБ РК. Ф. 1К. Оп. 1. Д. 204.
13. СГА КНБ РК. Ф. 1К. Оп. 1. Д. 202.
14. СГА КНБ РК. Ф. 1К. Оп. 1. Д. 201.
15. СГА КНБ РК. Ф. 1К. Оп. 1. Д. 199.
16. СГА КНБ РК. Ф. 1К. Оп. 1. Д. 326.
17. СГА КНБ РК. Ф. 1К. Оп. 1. Д. 324.
18. Специальный Государственный архив Департамента Полиции Восточно-Казахстанской Области (СГА ДП ВКО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 3671.
19. СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2454.
20. Специальный Государственный архив Департамента Полиции г. Алматы (СГА ДП г. Алматы) Ф. 1. Оп. 1. Д. 4651.
21. СГА ДП ВКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1131.

References

1. Viola L. *Peasant Revolt in the Era of Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. M.: ROSSPEN, 2010. 367 p. (In Russ.).
2. Vishnevskij A.G. *Sickle and Ruble: Conservative Modernization in the USSR*. M.: OGI, 1998. 432 p. (In Russ.).
3. Krasnobaeva N.L. Dynamics of the Number and Ethnic Composition of the Population of Kazakhstan According to the All-Union Census of 1926. *Izvestiya of Altai State University*. 2004. №4. P. 7–21. (In Russ.).
4. *The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession. 1927–1939. Documents and Materials*. in 5 vols. M.: ROSSPEN, 1999–2006. 880 p. (In Russ.).
5. *Soviet Village through the Eyes of the AREC-USPA-PCIA. 1918–1939. Documents and Materials*. in 4 vols. M.: ROSSPEN, 2003. 1864 p. (In Russ.).
6. 'Top Secret': *Lubyanka to Stalin about the Situation in the Country (1922–1934): 10 volumes*. IRI RAN; Centr. arhiv FSB RF. M.: IRI RAN, 2001–2008. 1712 p. (In Russ.).
7. Ficpatrik Sh. *Stalin's Peasants. The Social History of Soviet Russia in the 30s: Village*. M.: ROSSPEN, 2001. 422 p. (In Russ.).
8. Krasilnikov S. A. *Sickle and Moloch. Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s*. M., 2003. 285 p. (In Russ.).
9. Ablazhej N.N., Zhanbossinova A.S., Sajlaubaj E.E. Rumors and Conversations in a Kazakh Village on the Eve of the Famine (1927–1931). *Scientific Dialogue*. 2023. Vol. 12. № 7. P. 180–202. (In Russ.).
10. *Special State Archive of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan (SGA KNB RK)*. F.9. Op 1. D. 450. (In Russ.).
11. SGA KNB RK. F. 1K. Op. 1. D. 181. (In Russ.).
12. SGA KNB RK. F. 1K. Op. 1. D. 204. (In Russ.).
13. SGA KNB RK. F. 1K. Op. 1. D. 202. (In Russ.).
14. SGA KNB RK. F. 1K. Op. 1. D. 201. (In Russ.).
15. SGA KNB RK. F. 1K. Op. 1. D. 199. (In Russ.).
16. SGA KNB RK. F. 1K. Op. 1. D. 326. (In Russ.).
17. SGA KNB RK. F. 1K. Op. 1. D. 324. (In Russ.).
18. *Special State Archive of the Department of Politics of the East Kazakhstan Region (SGA DP VKO)* F. 19. Op. 1. D. 3671. (In Russ.).
19. SGA DP VKO. F. 19. Op. 1. D. 2454. (In Russ.).
20. *Special State Archive of the Almaty Police Department (SGA DP g. Almaty)* F.1. Op. 1. D. 4651. (In Russ.).
21. SGA DP VKO. F. 1. Op. 1. D. 1131. (In Russ.).

Информация об авторах

А.О. Омарканова, аспирант Института истории, социальных коммуникаций и права, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия;

А.С. Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ел тарихы», Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

About authors:

A.O. Omarkanova, Postgraduate Student, Institute of History, Social Communication and Law, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia;

A.S. Zhanbosinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Research Officer, Research Center “El tarikhy”, L.N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.